

A black and white photograph of Steve Irwin standing on the deck of a ship. He is wearing a dark, heavy-duty wetsuit with various patches, including a shark fin on his left chest. He has a white beard and is smiling, holding onto a rope. In the background, the ship's superstructure and the ocean are visible.

**ПОЛ
УОТСОН**

**МОРСКОЙ
ПАСТУХ**

**РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
КИТОВЫХ
ВОЙН**

Пол Франклин Уотсон
Морской пастух. Реальная
история китовых войн
Серия «Против течения»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321816
Морской пастух. Реальная история китовых войн:
ISBN 978-5-00269-604-8*

Аннотация

«Морской пастух» (Sea Shepherd) – известнейшая экологическая организация, на протяжении многих лет боровшаяся с незаконной добычей китов (в основном японскими рыбаками). Ее участники на быстроходных судах преследовали японских китобоев в самых опасных морях на планете – в водах близ Антарктиды. Они вступали в вооруженные схватки с браконьерами и выходили из них победителями.

Организация постоянно сталкивалась с давлением властей и запрещена во многих странах мира. Тем не менее, организация получила огромную общественную поддержку. Помощь ей оказывали знаменитости, например, Бриджит Бардо и Памела Андерсон. Деятельность организации подробно показана в документальном сериале «Китовые войны».

Перед вами – мемуары создателя организации Пола Уотсона, где он рассказывает о том, как начиналась радикальная борьба за спасение китов.

Содержание

Введение	5
Благодарности	9
Спасти китов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пол Уотсон

Морской пастух. Реальная история китовых войн

Введение

Кливленд Эмори

Когда я основал Фонд защиты животных в 1967 году, я тогда сказал, что хочу «надеть шипы на старых леди в теннисных туфлях».

Я не имел в виду неуважение к гуманистам прошлых дней, к их положению, их возрасту, их принадлежности к иному полу, нежели мой, или даже к их выбору обуви. Напротив, я знал, что именно они – часто с большим мужеством и в тёмные для животных времена – поддерживали светоч порядочности. Они проводили собрания, которые часто были малолюдны, создавали гуманные общества, устраивали протесты и писали стихи.

Но я хотел большего. Я хотел создать крепкую команду, способную противостоять – в лоб, если потребуется – основным жестокостям, которым так много животных регулярно и

безжалостно подвергаются. Вот что я имел в виду под «шипами», и только это.

По сути, много лет назад одна из этих дам – моя дорогая подруга Аида Флемминг из Нью-Брансуика, Канада – создала для детей первый в Северной Америке «Клуб доброты». Именно в этот клуб двадцать три года назад написал заявление о членстве маленький восьмилетний мальчик. Его приняли.

Один из кораблей экологической флотилии

Его звали Пол Уотсон. С самого начала Пол был другим. Он вырос в районе, где многие дети регулярно стреляли в птиц, привязывали консервные банки к кошкам и выбрасывали лягушек на улицу, чтобы посмотреть, сколько из них переедут машины. Сначала Пол протестовал; затем, если его

протесты не достигали цели, он вмешивался физически. Его часто избивали, но никогда не удавалось сломить.

Когда Пол повзрослел, он счёл неправильными и многие другие вещи. Ему были чужды методы так называемых спортсменов, которые охотятся, ставят капканы и убивают. Он маршировал в такт барабану, ища не противостояния с безоружным и неравным, а такой схватки, где он сам оказывался безоружным и неравным, обычно против безнадёжных шансов. Он дорого заплатил за это. Его избивали, морили голодом, замораживали, почти топили и бросали в тюрьму. Но его так и не удалось остановить.

Когда Пол впервые написал мне о своём плане «красить» тюленей, и когда я встретил его в первый раз, я ожидал увидеть законченного «помешанного на животных» – наполовину фанатика, наполовину проповедника. Пол, как я скоро обнаружил, не был ни тем, ни другим. Он был достаточно крупным, чтобы быть борцом, но обладал обаянием маленького мальчика. Он был «ласковым Беном» – с чувством юмора.

С того времени я участвовал вместе с ним в телепрограммах на сетевом телевидении; я также был вместе с ним в одинокой тюремной камере в чужой стране. Я видел, как его перевозносили до небес, и видел, как его поливали грязью. Я видел, как его широко рекламировали, и видел, как его полностью игнорировали. Он не меняется.

Когда я узнал, что он полон решимости протаранить пи-

ратское китобойное судно «Сьерра», я сказал ему две вещи. Во-первых, он не должен делать это так, чтобы после столкновения оба судна остались вместе. Я боялся, что команда «Сьерры» перейдёт на борт «Морского пастуха» и убьёт его. Во-вторых, непосредственно перед ударом он должен поставить перед собой матрас. Я думал, что не только мостик, но и вся надстройка «Морского пастуха» может рухнуть на палубу.

Пол, разумеется, всегда делает то, что я ему говорю. Нет, поправка: иногда делает то, что я ему говорю. Нет, поправка: время от времени. В любом случае, на этот раз он выполнил одну из двух вещей – что для него намного выше среднего. Он не протаранил судно так, чтобы корабли остались вместе. Но перед тараном он не поставил перед собой матрас. «Я помнил, что вы сказали, – рассказывал он мне потом. – Но потом на мостик поднялись двое других добровольцев, Питер и Джерри, и Питер забыл свой матрас, так что я отдал ему свой».

Такой уж он, Пол Уотсон.

Благодарности

Мои усилия по защите дикой природы, особенно морских млекопитающих, увенчались успехом благодаря поддержке и ободрению многих людей. Без Кливленда Эмори и Фонда защиты животных я никогда бы не смог вывести «Морского пастуха» к славной победе над пиратским китобойным промыслом. Кливленд – великий гуманист, и для меня большая честь, что он написал введение к этой книге.

Благодарности также заслуживают все сотрудники Фонда защиты животных. В особенности я хотел бы поблагодарить Мариан Пробст, Льюиса Регенштейна, Эдварда Уолша, Гленна Чейза, Маргарет Мори, Марлен Лейкин, Донну Грегори и Синтию Браниган.

Капитан хорош настолько, насколько хороша его команда, и некоторые из моих членов экипажа проявили больше мужества и самоотверженности, чем я могу выразить. Без моего австралийского старшего механика Питера Вуфа не было бы победы над печально известным пиратским китобоем «Сьерра». Когда другие отступали перед лицом опасности, Джерри Доран, мой третий механик, стоял рядом с Питером и мной. Эти двое были самыми лучшими.

Другие, кто вышел в море и служил с отличием: капитан Дэвид Селлерс из Шотландии и капитан Лесли Фьюстер из Йоркшира; члены экипажа Эл Джонсон, Дэвид Макколл,

Дэвид Маккенни, Марк Стерк, Кит Крюгер, Мэтт Херрон, Пол Пезвик, Тина Харрисон и Тони Уотсон. Репортёры Сид Муди, Ларри Мэннинг и Санни Льюис, помимо выполнения своих журналистских обязанностей, не гнушались помогать в чрезвычайных ситуациях.

Многие люди помогли финансировать наши кампании: доктор Уильям Джордан из Королевского общества предотвращения жестокого обращения с животными; Клэр Альберт, Кристофер Руф и многие поддерживающие и действительные члены Общества «Морской пастух» в Северной Америке, Европе и Австралии. Я благодарен многим британским группам: Лиге борьбы против жестоких видов спорта, Портсмутской группе действий по спасению китов, Группе по борьбе с китобойным промыслом «Чёрная страна» и бывшим китобоям. В Канаде нам помогали Аида Флемминг и её Клуб доброты, Канадцы за отмену охоты на тюленей и Ассоциация волонтеров действия.

Также выражаю безмерную благодарность Фонду содействия экологическим инициативам (Республика Куба), Фонду мира и социализма и Фонду Фиделя Кастро.

Особая благодарность моей жене Старлет за то, что она выносила морскую болезнь, штормы и тысячу других проблем, с которыми мы столкнулись вместе в нашей борьбе за защиту и сохранение жизни.

И наконец, я хотел бы выразить признательность китам, дельфинам, тюленям, слонам и всем остальным существам

на этой Земле, которым я имел честь служить. Их красота, ум, сила и дух вдохновляли меня. Эти существа говорили со мной, трогали меня, и я был вознаграждён дружбой со многими представителями разных видов.

Если киты выживут и будут процветать, если тюлени продолжают жить и рожать детёнышей, и если я смогу внести вклад в обеспечение их будущего благополучия, я буду вечно счастлив.

Спасти китов

Я был ведущим камикадзе. Мы нашли то, за чем пришли, примерно в шестидесяти милях от Сан-Франциско в Тихом океане. И теперь мы летели навстречу американским китобойным пиратам на наших надувных резиновых лодках «Зодиак» с подвесными моторами – сердца колотились, адреналин зашкаливал. После двух месяцев в море, полных лишений, которых никто из нас не ожидал, мы выиграли нашу ставку вопреки всему. Мы выследили флот убийц – шесть маленьких судов и одно огромное – и он нависал перед нами, с каждой секундой всё ближе, пока мы прыгали и скользили по волнам на скорости сорок миль в час.

Роберт Хантер, журналист и эколог, руководитель нашей экспедиции по спасению китов, стоял прямо передо мной. Ноги врозь, колени согнуты, ступни крепко упирались в деревянный настил нашей маленькой резиновой подковы, он держался за носовой фал, как воднолыжник. Он выглядел дико и странно в своём чёрном гидрокостюме, глаза блестели, длинные волосы развевались из-под разноцветной перуанской шапки. Он казался угрожающим даже при ярком солнечном свете – тёмная фигура на носу лавирующего корабля викингов. Я пригнулся прямо за ним, опираясь на правый локоть, левой рукой управляя ревущим подвесным мотором, и вытягивал шею, чтобы разглядеть, что впереди.

Боб Хантер обернулся. Он оглядел меня и рассмеялся, переходя на крик. Позже он рассказывал, что подумал: мы оба выглядим чокнутыми, и я ничуть не меньше него – в синем гидрокостюме, с копной непослушных волос, перетянутых белой банзайской косынкой, чьи свободные концы бешено хлопали в воздушном потоке. Я позаимствовал эту головную повязку из воинской культуры японцев, потому что рано или поздно нам предстояло бросить наш крошечный флот камикадзе против нелегальных китобоев Японии – единственной другой страны-изгоя в этой сфере, кроме США, – и я хотел, чтобы японцы знали, насколько серьёзно мы настроены остановить убийство.

Мне было всё равно, как мы выглядели сейчас – чокнутыми или странными. И, я знал, Бобу Хантеру тоже. Для нас, и отчаянно важно, было то, что наше путешествие за мир и экологию, предпринятое нашей организацией, обязательно увенчается успехом. Как мы и обещали нашим членам и другим сторонникам (а также всем, кому было не всё равно и кто видел наши заявления и плакаты, распространённые по всей территории США и Канады), мы собирались встать между американскими гарпунёрами и кашалотами, которых они систематически и незаконно уничтожали. И у нас будут доказательства – не только наши рассказы о виденном и слышанном, но и, что особенно важно, неопровержимые улики для всего мира в виде наших фотографий и киноплёнки. Такова была наша миссия, и мы её выполняли.

Словно по сигналу, Боб протянул руку назад, а я – вперёд. Наши глаза встретились, наши руки сжались. Мы сказали почти одно и то же одновременно:

– Мы здесь! Это происходит! Мы делаем это!

– Мы делаем это, Пол! Мы делаем это!

Позади нас шли ещё два «Зодиака» из маленького флота камикадзе под моим командованием. Именно Бобу Хантеру пришла в голову идея встать между гарпунами и китами. Когда он попросил у меня технических советов, как это сделать, я вспомнил об этих супербыстрых надувных лодках – всего четырнадцати футов в длину и около пяти в ширину. Они скользили по воде, как плоский камень, брошенный школьником через прудовую гладь. Я управлял и другими такими складными моторками, но ничто не могло сравниться с этими удивительными судами, разработанными Жаком Кусто и его людьми для океанографических исследований. Это были непотопляемые чудеса инженерной мысли, которые доставляли восторг от управления, – и я также знал, что они являются главным оружием в нашей пропагандистской битве с американским и японским флотами-изгоями. Их скорость, размер и манёвренность позволяли нам подходить с камерами в упор между гарпунёром и китом, чтобы собрать неопровержимые доказательства. Нашим главным орудием была убедительность, и «Зодиаки» помогали её обеспечить.

Я оглянулся на два других «Зодиака» моего крошечного флотилии «божественного ветра» (буквальное значение ка-

микадзе). Ближе ко мне была лодка под управлением доктора Патрика Мура, где Фред Истон управлял кинокамерами, а сзади, едва поспевая, шла третья лодка с Джорджем Коротвой за рулём и Рексом Вейлером, застывшим на носу, – несколько фотоаппаратов висели у него на шее и ещё один в руке, готовый к съёмке. Мур, имеющий докторскую степень по экологии, был нашим судовым экологом, когда не управлял «Зодиаком»; Коротва, единственный член экипажа, кроме меня и капитана Джона Кормака, имевший предыдущий опыт плавания, должен был вести любые переговоры с американскими китобоями. Он был не последним моряком. В тридцать три года он уже командовал судами покрупнее нашей восьмидесятисемифутовой палтусной сейнера «Филлис Кормак».

С того момента, как мы вышли из порта ровно шестьдесят дней назад – в воскресенье 27 апреля 1975 года, – с нами произошло столько всего, что удивительно было видеть, что наш энтузиазм не угас. Шестеро из нас, как и остальные семеро на борту «Филлис Кормак», были физически потрепаны тяготами наших поисков – мы бороздили около трёх тысяч квадратных миль Тихого океана, напрягая глаза в надежде увидеть цель и прислушиваясь к треску и скрежету старого судового радио в надежде уловить намёк на американский акцент. Но, благодаря нашей молодости (большинству из нас было двадцать-тридцать лет) и преданности делу спасения китов, наш дух, казалось, был так же высок, как в день

отплытия от Джеррико-Бич в порту Ванкувера в канадской Британской Колумбии – когда более двадцати тысяч добровольцев собрались там, чтобы поддержать нас.

Мы были вполне уверены, что сможем выполнить первый этап нашей миссии – просто выйти в Тихий океан и найти американских китобоев. С помощью различных мероприятий по сбору средств – от бренчания жестяными банками у винных магазинов до организации крупных благотворительных концертов – нам удалось собрать финансы на это плавание. Деньги, чтобы снова арендовать «Филлис Кормак» (она уже была судном для первой вылазки экологистов в 1971 году – неудачной и в итоге прерванной попытки остановить ядерные испытания США в Национальном заповеднике дикой природы на острове Амчитка в Алеутской гряде, выйдя в зону испытаний), а также собрать огромный арсенал необходимого – «Зодиаки», спасательные жилеты, рации, гидрокостюмы, баллоны для дайвинга, гидрофоны и всё остальное, включая топливо и провизию. Нам хорошо удалось собрать средства – настолько, что «Филлис Кормак», которая в первый раз выглядела более чем потрепанной, теперь, когда мы собрались на Джеррико-Бич для речей, вечеринок и всеобщего веселья, сопровождающего грандиозным и славным проходам, стала настоящей красавицей. Мы покрасили её в девственно-белый цвет с глянцево-зелёными и чёрными акцентами, и вместо грязного, будничного зелёного паруса первого рейса на этот раз она щеголяла белоснежным, новёхонь-

ким треугольником из холста, на котором был чётко отпечатан символ великого морского волка – индейцев квакиутль с острова Ванкувер.

Но не только наша физическая готовность питала надежды на успех. Мы раздобыли кое-какие разведанные о том, где, скорее всего, будет находиться американская китобойная флотилия в этом пугающе безбрежном океане, в который мы выходили. Один из нас, доктор Пол Спонг, который путешествовал, чтобы помогать со сбором средств, сумел получить доступ к записям Бюро китобойной статистики в Саннефьорде, Норвегия. Там, в данных, уходящих корнями в 1938 год, когда началось упорядоченное ведение статистики по китобойному промыслу, Спонг нашёл всё, что нам нужно было знать о недавней деятельности американских и японских китобоев. Он скопировал тринадцать страниц, где были указаны долготы, широты, даты и цифры убитых для американских китобойных баз «Истсайд» и «Атлантик» и японских судов «Ниссин-Мару 3», «Тонан-Мару 2» и «Кукуё-Мару 3» за период с августа 1973 по октябрь 1974 года. Так, вооружившись досье за последние два года, мы довольно точно знали, где находятся места убийств. Но всё равно отправиться в этот район и найти убийц было затеей уровня «иголка в стоге сена».

Топоровидный нос «Филлис Кормак» отбрасывал изящную волну, когда мы шли по умеренно бурному морю – остаткам внезапного шторма, который обрушился на побе-

режье и скрыл полную луну в ночь перед нашим отплытием из залива Джеррико в то последнее воскресенье апреля. Капитан Джон Кормак был в отличном расположении духа. Будучи гораздо старше нас (ему было шестьдесят три года), он был не столько экоактивистом, сколько преданным адептом трудовой этики, предпочитавшим выйти с нами в чартер, чем простаивать в Ванкувере из-за неудачного рыболовного сезона. Он, казалось, взял на себя роль ворчливого старого морского волка, ворча по поводу каждого отклонения от его стандартов поведения, и держал строгую и непреклонную дистанцию между своим капитанским статусом и нашим – нанявшей его команды. Капитан Кормак питал глубокую и неизменную привязанность к «Филлис Кормак», которую называл в честь своей жены, и был чрезвычайно горд её новым обликом – результатом ремонта почти на четверть миллиона долларов, включая совершенно новый дизельный двигатель Caterpillar. Капитан подчёркивал, что дистанцируется от наших целей. И всё же у меня было чувство, что он полностью наслаждается той ролью, которую играет в протесте – как нанятый специалист, отдающий своё мастерство, но не обязательно сердце, делу, – и тайно одобряет то, что мы пытаемся сделать, если не методы.

– Просто покажите, куда плыть, – буркал он, и его коренастая фигура излучала уверенность, когда он брался за штурвал, – и я вас туда доставлю.

Нам некуда было спешить в первый день после выхода из

Ванкувера, чтобы направиться на юг, туда, где, как мы знали, будут действовать американские и японские китобои. Информация, предоставленная доктором Спонгом, указывала, что к концу июня – почти через восемь недель – суда-убийцы окажутся в пределах досягаемости «Филлис Кормак». Мы получили эту информацию слишком поздно, чтобы отложить грандиозные проводы, запланированные на 27 апреля – церемонию, которая также была задумана для сбора дополнительных пожертвований, – поэтому мы действовали по графику. В промежуточные дни мы будем тренироваться на наших маленьких «Зодиаках-камикадзе», как можно шире освещать наши поиски через пресс-релизы из Ванкувера по судовому радио и пытаться проводить глубоко ненаучные эксперименты по общению с любыми китами, морскими свиньями, дельфинами или другими китообразными, которые нам встретятся.

Эл Хьюитт – высокий, худой и немногословный, с выразительными, подвижными бровями – был нашим главным специалистом по коммуникациям. Он собрал широкий спектр электронного оборудования, большая часть которого хранилась в четырёхместном алюминиевом трейлере, установленном на юте. Это была, по сути, звуковая студия, набитая динамиками, осциллографами, генераторами, катушечными магнитофонами, микрофонами, наушниками, транзисторами, конденсаторами и рациями. Квадрафоническая подводная акустическая система была установлена между трейле-

ром и полудюжиной цилиндрических гидрофонов длиной около четырёх футов. Капитан Кормак высмеивал любые надежды на «болтовню с китами», но мы сказали ему, что не видим ничего плохого в попытках. Позже он несколько смягчился – отчасти из-за большого уважения к электронным и инженерным способностям тридцатисемилетнего Хьюитта, а отчасти потому, что мы объяснили, что ведутся серьёзные эксперименты в области «межвидовой коммуникации».

Пожалуй, самая нелепая история, которую я знаю на эту тему, – это старый анекдот, который рассказывают норвежские моряки. Некий епископ Нидароса проводил богослужение на берегу на том, что он считал скалой, но что на самом деле было спиной спящего кракена (мифологического пещерного чудовища, вероятно, основанного на гигантском кальмаре, который может достигать шестидесяти футов в длину и весить пару тысяч фунтов). Кракен проснулся, пока старик говорил, но нашёл проповедь настолько красноречивой, что вежливо молчал, пока епископ не закончил говорить, не собрал свой алтарь и не ушёл.

Мы кое-что знали о кетофонании – так называется феномен вибраций, производимых китами, который некоторые называют «пением». Эту песню китов годами записывают и изучают морские биологи и другие учёные. Во Второй мировой войне, когда союзники отчаянно нуждались в информации об эхолокации, которая по сути является сонаром, проводились исследования для изучения новых и более эффек-

тивных методов борьбы с подводными лодками. С тех пор подводные звуки, издаваемые китами, морскими свиньями, дельфинами, кальмарами, рыбами, крабами, креветками и множеством других существ, стали предметом бесчисленных научных трудов. То, что китообразные используют своего рода сонар для навигации в мировом океане, больше не вызывает сомнений. Обладая слухом, настроенным на частоты до 200 килогерц (по сравнению с человеческим пределом в 20), они явно хорошо оснащены для сонара, и учёные установили, что китообразные не только различают размеры мелкой рыбы, но и определяют, крупная или мелкая сеть.

Что касается интеллекта китообразных, никакое научное исследование пока не доказало, в какой степени они способны мыслить – так, как мыслят люди. Однако существует немало свидетельств того, что морские свиньи демонстрируют эмоциональные и мотивационные реакции выше, чем у собак, и близкие к реакциям шимпанзе. Соотношение весов (мозга и спинного мозга) интересно, хотя и не окончательно: мозг взрослого человека, центр разума, весит около трёх фунтов, что примерно в пятьдесят раз превышает вес спинного мозга, который контролирует рефлексивное поведение; у обезьян соотношение мозг/спинной мозг составляет восемь к одному, но, что удивительно, у дельфинов оно близко к человеческому – тридцать шесть к одному. Известно также, что дельфины ведут «вежливую» беседу – то есть издают звуки в виде паттернов, напоминающих голосовой

обмен, когда одна сторона «говорит» только во время молчания другой. Кроме того, в неволе дельфины адаптируют издаваемые ими звуки. Подобно чужакам в новой стране, они изменяют свои шумы до тех пор, пока, не хуже попугаев, не начинают, казалось бы, говорить на языке своих человеческих пленителей. Что это за разум, с которым предстоит встретиться и исследовать его с помощью каких-то взаимопонятных средств общения?

Мы пересекали сильную зыбь пролива Хуан-де-Фука, выходя из Пьюджет-Саунда, и смотрели, как мыс Флаттери остаётся позади, когда мы шли на север к Тофино на острове Ванкувер. Там мы забрали наших операторов, прежде чем продолжить путь на север к Уинтер-Харбор в заливе Куатсино на северной оконечности острова. Море было таким бурным, что мы потратили пять дней на переход, который должны были совершить за два-три. Именно в Уинтер-Харборе «Филлис Кормак» встретила с «Вегой», ещё одним ветераном операций экологов, которая должна была присоединиться к нам на время начального этапа поисков американских китобоев.

За годы моей активности меня эмоционально и духовно раздирало между противоположными философиями насилия и ненасилия. Морально я знаю, что насилие – это зло, а ненасилие – добро. Но что насчёт результатов? Что даёт наибольший результат с наименьшими задержками и проволочками?

Команда одного из кораблей экологической флотилии

Путь, избранный североамериканскими индейцами, – самый полный пример ненасилия, который я могу вспомнить. После резни в Вундед-Ни в 1890-х годах, которую до недавнего времени всех нас учили считать оправданной акцией и великой победой армии США, вплоть до сопротивления в Вундед-Ни в 1973 году (в котором я лично участвовал) индеец пассивно принимал свою участь. Когда он искал справедливости – или изменений в системе, чтобы она могла породить справедливость, – он делал это мирными средствами. Те редкие, но широко разрекламированные случаи, когда он

неохотно обращался к насилию, были гораздо, гораздо реже его мирных усилий. Его наградой стали поколения нарушенных торжественных обещаний, а также отвержение, жестокость, расизм и культурный геноцид. Только в наше время, с подъёмом движения североамериканских индейцев, мир, по крайней мере, начал признавать реальность их существования и обоснованность их прав.

Мало что на этой планете изменилось исключительно благодаря ненасильственным действиям. Остаться полностью ненасильственным – значит позволять увековечивать насилие против людей, животных и окружающей среды. Заколдованный круг этого – ты проклят, если сделаешь, и проклят, если не сделаешь – заключается в том, что, отказываясь от насилия для себя, мы тем самым часто молчаливо позволяем насилие для других, которые тогда могут свободно решать вопросы силой, пока им не окажут сопротивление, обязательно силой. И всё же насилие – это зло, независимо от его источника или цели.

И так поиск компромисса продолжается. С 1975 года моё мышление эволюционировало до следующего: иногда, чтобы донести мысль настолько ярко, чтобы за ней могли последовать эффективные шаги, необходимо совершить насильственный акт.

А что насчёт результатов? Что даёт наибольший результат с наименьшими задержками и проволочками?

Путь, избранный североамериканскими индейцами, – са-

мый полный пример ненасилия, который я могу вспомнить. После резни в Вундед-Ни в 1890-х годах, которую до недавнего времени всех нас учили считать оправданной акцией и великой победой армии США, вплоть до сопротивления в Вундед-Ни в 1973 году (в котором я лично участвовал) индеец пассивно принимал свою участь. Когда он искал справедливости – или изменений в системе, чтобы она могла породить справедливость, – он делал это мирными средствами. Те редкие, но широко разрекламированные случаи, когда он неохотно обращался к насилию, были гораздо, гораздо реже его мирных усилий. Его наградой стали поколения нарушенных торжественных обещаний, а также отвержение, жестокость, расизм и культурный геноцид. Только в наше время, с подъёмом движения североамериканских индейцев, мир, по крайней мере, начал признавать реальность их существования и обоснованность их прав.

Мало что на этой планете изменилось исключительно благодаря ненасильственным действиям. Оставаться полностью ненасильственным – значит позволять увековечивать насилие против людей, животных и окружающей среды. Заколдованный круг этого – ты проклят, если сделаешь, и проклят, если не сделаешь – заключается в том, что, отказываясь от насилия для себя, мы тем самым часто молчаливо позволяем насилие для других, которые тогда могут свободно решать вопросы силой, пока им не окажут сопротивление, обязательно силой. И всё же насилие – это зло, независимо от

его источника или цели.

И так поиск компромисса продолжается. С 1975 года моё мышление эволюционировало до следующего: иногда, чтобы донести мысль настолько ярко, чтобы за ней могли последовать эффективные шаги, необходимо совершить насильственный акт. Но такое насилие никогда не должно быть направлено против живого существа. Против собственности – да. Но никогда против жизни.

Однако должен признаться, что в мае 1975 года я не размышлял о таких философских материях, продолжая готовиться к нашему броску на американских китобоев. О чём я думал, точно, так это о своём желудке. Редко когда я испытывал такую серию острых, колющих болей глубоко в правой нижней части живота. Доктор Майрон Макдональд, член нашего экипажа, быстро поставил диагноз – аппендицит, и меня на вертолёте вывезли из Уинтер-Харбор в Кэмпбелл-Ривер на восточном побережье острова Ванкувер, где диагноз подтвердили и сделали операцию по удалению воспалённого аппендикса.

Но я боялся потерять своё место на борту «Филлис Кормак». Через два дня после операции я выписался из больницы. Я доехал до Ванкувера, а затем до Тофино на тихоокеанском побережье острова, потому что знал: там судно должно было начать эксперименты по проверке возможности общения с китами. Я изучал межвидовую коммуникацию в колледже и, хотя понимал, что наша главная миссия – противо-

стояние с американскими китобоями, я с нетерпением ждал любых попыток установить контакт с самими китами. И действительно, в Тофино я узнал, что «Филлис Кормак» вышла в море, чтобы вступить в контакт со стадом серых китов, и я видел её примерно в миле от берега на Лонг-Бич.

Я надел гидрокостюм и вошёл в воду. Меня сразу же подхватил обратный поток. Он вырвал ноги из-под меня, словно гигантская невидимая рука, и я замер, пытаюсь сохранить равновесие, пока он стремительно уносил меня от берега. У меня уже был такой опыт раньше, и я не встревожился. Я знал, что могу выбраться, как и тогда. Но на этот раз всё было иначе. При малейшем усилии я чувствовал мучительный укол внизу живота, и меня посещали видения, как мой двухдневный шрам разрывается и моя жизнь вытекает в Тихий океан. В какой-то момент я подумал, что, возможно, лучше буду без гидрокостюма, и начал стягивать его – он держал меня на плаву, из-за чего мне было трудно сориентироваться, и лишал меня полной силы для плавания, – но вода была слишком холодной. Моя рука без перчатки онемела и стала бесполезной в ледяной воде, начала синеть. Я снова надел перчатку и продолжил барахтаться. А затем придумал, как выбраться из этой передраги. Это заняло полчаса, но сработало: я дождался волны, и, когда она пришла, нырнул на дно, воткнул свой дайверский нож в песок и держался, пока вода отступала. Когда я почувствовал, что отлив ослабевает, я поднялся на поверхность, глотнул воздуха и снова нырнул

на дно с помощью следующей набегающей волны. Снова и снова, в ритме волн, я повторял этот процесс, «шагая» к берегу, пока не выбрался, держась за свой измученный бок и радуясь, что остался жив.

Я пропустил то, что действительно стало для экипажа «Филлис Кормак» днём волнений. Когда судно обогнуло полуостров и вошло в широкую бухту Лонг-Бич на западном побережье острова Ванкувер, мои коллеги увидели характерное пёрышко белого пара, бьющего над водой, а затем ещё одно и ещё. Всего там было восемь серых китов, которые жадно кормились на мелководье во время остановки в своей миграции вдоль тихоокеанского побережья: от острова Ванкувер, где вода начинала становиться слишком холодной для их вкуса, до более мягких температур Баха-Калифорнии и Мексики. По международному соглашению, начиная с 1938 года, серые киты предположительно находятся под защитой. Но сейчас их насчитывается чуть более десяти тысяч, а азиатский серый кит, который раньше размножался у берегов Кореи, практически исчез.

Мои коллеги быстро спустили на воду четыре «Зодиака» среди серых китов, загрузив их камерами, включая специальное оборудование для подводной съёмки, и различными музыкальными инструментами для проверки коммуникации. Флейта, саксофон и даже синтезатор (установленный и запущенный Уиллом Джексоном из алюминиевого трейлера Эла Хьюитта, набитого электроникой, на борту «Фил-

лис Кормак») направляли на серых китов калейдоскоп звуков. Некоторые из них, казалось, иногда слушали, хотя с уверенностью сказать было нельзя. Киты, эти нежные создания, позволяли «Зодиакам» приближаться к ним, даже вступать в некоторый контакт. Запах оказался неожиданностью. Как позже сообщил Боб Хантер: «Позже все согласились, что у серых китов был аналог галитоза». Один «Зодиак» с Гэри Зиммерманом (который должен был уйти на другое задание до того, как мы выйдем в море на встречу с американскими китобоями), фотографом Рексом Вейлером и заплетённой в косички Карли Трумэн (специалисткой по дайвингу и маломерным судам, единственной женщиной в нашем экипаже) сумел подойти к серому киту, который, по оценкам, достигал около пятидесяти футов в длину. Внезапно все трое почувствовали, как их резиновая лодка поднимается из воды. Кит хвостом приподнял их на фут над поверхностью, прежде чем мягко опустить обратно. Они восприняли это как предупреждение и отплыли подальше.

К середине июня, после вылазок в открытый Тихий океан и на север к островам Королевы Шарлотты, мы были готовы всерьёз отправиться за американскими китобоями. Близился конец июня – время, которое, по расчётам Пола Спонга, давало наилучшие шансы найти их. Чтобы повысить наши шансы за счёт увеличения радиуса действия, мы договорились, что Род Мэрининг и другие наши люди в Ванкувере встретят нас в Уинтер-Харбор и снабдят восемью топливны-

ми баками по 250 галлонов. Мы рассчитывали, что они добавят нам тысячу миль к дальности плавания.

Когда мы отплыли из Уинтер-Харбор 18 июня, мы чувствовали себя готовыми. Мы освоили «Зодиаки» и теперь умело мчались прямо перед «Филлис Кормак», имитируя то, что будем делать под носом американского китобоя, когда встанем между гарпунной пушкой и китом, который был её целью. Капитан Кормак, оказавшийся агрессивным соперником, хорошо сыграл роль китобоя, пару раз едва не переехав нас. У нас также было больше приключений с китами: однажды мы наткнулись на трёх финвалов, а в другой раз наблюдали и снимали на плёнку совокупление пары «китов-убийц» – тех, которых часто злословят, чёрно-белых косаток. Они не больше убийцы, чем любое другое животное, которое должно охотиться, чтобы жить, и они вовсе не киты, а крупные дельфины. Как указал доктор Виктор Б. Шеффер, знаменитый американский авторитет по морским млекопитающим, «убийца» – это имя, которое люди дали этим существам, а не имя, которое они дали себе. Самый большой убийца из всех – *Homo sapiens*.

Чего мы не знали, когда с надеждой выходили в море, так это того, что, хотя Пол Спонг смог сказать нам, где в общих чертах будут находиться американские китобои, американцы в любой момент точно знали, где находимся мы. Отнесите это на счёт нашей наивности, или вероломства правительств, или того и другого, но ситуация была именно такой.

Во время наших манёвров у островов Королевы Шарлотты мы заходили в Массет на самом северном берегу архипелага, где расположена база канадских военно-воздушных сил. Там у нас состоялся диалог с офицером канадских ВВС, который звучал примерно так:

- Я слышал, вы охотитесь за американскими китобоями. Может, мы сможем вам помочь.
- О? И что вы можете сделать?
- Мы можем сообщать вам их позиции.
- Это прекрасно! Это замечательно!
- Конечно. Всё, что вам нужно делать, – это каждый день сообщать нам своё местоположение.

И мы любезно согласились. Это была не только улица с односторонним движением, но позже мы узнали, что канадские ВВС передавали эту информацию американскому посольству в Оттаве. Это позволяло американским властям всегда знать, где мы находимся, а от канадских ВВС мы не слышали ни шепота о том, где находятся китобои. Очевидно, канадское правительство не хотело конфронтации между нами и Советами в открытом море. Если трактовать это великодушно, то Оттава хотела защитить нас от вреда и избежать возможного замешательства для двух вовлечённых правительств. Но нам не нравилось, что нас «развели» канадские ВВС. Кто-то однажды сказал, что дипломат – это честный человек, посланный за границу лгать за свою страну. К этому можно добавить, что где-то в своих военно-воздушных

силах Канада имеет, простите за каламбур, одного дипломата ещё покрупнее (игра слов: whale of a diplomat – и «кит» в смысле огромный, и «китовый дипломат»).

Когда мы двинулись на юг с дамской скоростью «Филлис Кормак» – от пяти до восьми узлов, – мне казалось, что Боб Хантер как руководитель проекта собрал достойную команду – изобретательную и преданную делу. Старый, ворчливый Джон Кормак, владелец судна и его капитан, был сдерживающим влиянием.

Мур был обученным экологом, Эл Хьюитт – нашим гуру электроники и связи, Рекс Вейлер – фотографом, Фред Истон – кинооператором, Карли Трумэн – специалистом по маломерным судам, Уолрус Оукенбо (изначально Дэвид Гаррик, прежде чем он выбрал своё новое имя в порыве решительного чудачества, чтобы позже от него отказаться) – нашим поваром и самым зорким наблюдателем, а Мелвилл Грегори, Уилл Джексон и Рон Прешес выполняли различные вспомогательные роли.

Если честно, никто из нас не чувствовал себя в форме. Почти через два месяца, несмотря на неудачу с поиском американских судов, наш дух был высок, но физически мы были измотаны. Запасное дизельное топливо, которое мы хранили на борту, протекло в трюме. Мы обнаружили в нём плавающие консервы, с которых смыло этикетки, а картонные коробки со свежими фруктами превратились в мокрую мешанину из масла и трюмной воды. Мы подняли всё наверх и

вымыли, как могли. Но после этого всё, что мы ели, имело привкус солярки, всё, к чему мы прикасались, было в солярке, всё пахло соляркой, и каждый раз, когда мы отрывали (что происходило часто из-за нашей постоянной тошноты), мы отрывали парами дизеля. Если привыкнуть к страданиям вообще можно (а я полагаю, что можно), то мы учились этому.

Мы нашли китов – девять финвалов – и спустили «Зодиак», чтобы рассмотреть их поближе. Пока работали наши камеры, Коротва направил наш «Зодиак» вплотную к большой самке кита, рядом с которой безмятежно плыл её детёныш. Я намеревался выпрыгнуть из лодки и плыть рядом с самкой, пока камеры всё это снимали. Но она внезапно с силой хлопнула хвостом по поверхности океана, и я понял, что пора убираться. Коротва заглушил мотор, и киты проплыли мимо нас.

В тот же момент по судовому радио мы узнали, что на заседании Международной китобойной комиссии, открывшемся в Лондоне 22 июня 1975 года, был предложен мораторий на добычу финвалов. Мы были восхищены этим совпадением и согласились, что было бы замечательно, если бы наша конфронтация с Советами каким-то образом повлияла на решения МКК. Но даже тогда мы были слишком реалистами, чтобы питать большие надежды.

МКК начала функционировать в 1948 году с целью восстановления китобойного промысла, сильно пострадавшего

во время Второй мировой войны. В ней доминирует китобойная индустрия, а не правительства, и, хотя человек охотился на китов с тех пор, как узнал о них, ничто не может сравниться с бойней, происходящей со времён существования МКК. Огромные флотилии, поддерживаемые сонарами, вертолётами, плавучими базами, взрывными гарпунами и всеми такими современными технологиями, сократили популяции восьми видов крупных китов до такой степени, что все они находятся под угрозой исчезновения. Китобойи – в основном Япония – беззаботно игнорируют беззубые санкции, принимаемые на каждой ежегодной сессии МКК.

И величайшая ирония заключается в том, что, пока бойня продолжается со скоростью один кит каждые двадцать минут, всё, что эти теплокровные, дышащие воздухом, вскармливающие молоком существа дают человечеству, может быть получено из других источников. Включая косметику, корм для домашних животных, топочный мазут, стейки, продающиеся в Токио по двадцать долларов за фунт, и высококачественное масло, которое Советы используют для смазки своих межконтинентальных баллистических ракет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.